

УДК 902

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.44.40.021

И.Ю. Шауб

ГОРГОНА В РЕЛИГИИ МЕОТОВ*

Огромная популярность изображений Горгоны Медузы (преимущественно горгоней) на различных артефактах, обнаруженных в курганах Скифии и Боспора, обычно объясняется апотропеическим значением её образа, которое было обусловлено влиянием греческой культуры на варваров. Однако находку золотого горгоней, который был главным объектом поклонения в одном из меотских святилищ у аула Уляп (Адыгея), таким образом интерпретировать невозможно. Сходство между Горгоной Медузой и древней чеченской и ингушской богиней-матерью Тушоли, которая почиталась в виде зловещей маски, позволяет предполагать, что в горгонее меоты видели образ одной из главных ипостасей Великой богини, которую почитали и другие местные племена Причерноморья. Кроме того, у варваров, которые практиковали ритуальное отсечение человеческой головы и окружали её религиозным почитанием, горгоней должен был ассоциироваться с этим культом.

Ключевые слова: античная археология Причерноморья, Скифия, Боспор, Адыгея, меоты, чеченцы, ингуши, религия и культы, Горгона Медуза, Тушоли, Великая богиня, культ отрубленной человеческой головы.

Сведения об авторе: Шауб Игорь Юрьевич, доктор исторических наук, Институт истории материальной культуры РАН.

Контактная информация: 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18А, Институт истории материальной культуры РАН; e-mail: schaubigor@mail.ru.

I.Yu. Schaub

GORGON IN THE RELIGION OF MAEOTES

The immense popularity of the images of the Gorgon Medusa (mainly the gorgoneus) on various artifacts found in the mounds of Scythia and the Bosphorus is usually explained by the apotropaic significance of her image, which was due to the influence of Greek culture on the barbarians. However, the finding of the golden gorgoneus, which was the main object of worship in one of the Maeotian sanctuaries near the village of Ulyap (Adygea), cannot be interpreted in this way. The similarity between the Gorgon Medusa and the ancient Chechen and Ingush Mother goddess Tusholi, who was worshiped in the form of an ominous mask, suggests that the Maeotes saw in the gorgonea the image of one of the main hypostases of the Great Goddess, who was also worshiped by other local tribes of the Black Sea region. In addition, among the barbarians, who practiced the ritual cutting off of the human head and religiously revered it, the gorgoneus should have been associated with this cult.

Key words: antique archaeology of the Black Sea region, Scythia, Bosphorus, Adygea, Maeotes, Chechens, Ingush, religion and cults, Gorgon Medusa, Tusholi, Great Goddess, cult of the severed human head.

About the author: Schaub Igor Yurievich, Dr. habil. (History), Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences.

* Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

Статья поступила в номер 15 декабря 2021 г.

Принята к печати 30 декабря 2021 г.

Contact information: 191186, Russia, Saint Petersburg, Embankment, 18A, Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; e-mail: schaubigor@mail.ru.

Самым распространённым греческим мотивом на различных артефактах, обнаруженных в курганах Скифии (Раевский 1985: 173) и Боспора (Цветаева 1968: 4) является изображение Горгоны Медузы (чаще всего в виде её головы — горгонея)¹; не редок этот мотив и на Кавказе (Авалиани 2012). У меотов горгонею пользовался столь большой популярностью, что, к примеру, головной убор жрицы², погребенной в кургане Карагодеуашх, украшали 50 золотых бляшек с изображением головы Горгоны Медузы (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894: 32—33, 160), а в кургане Курджипс было найдено 29 терракотовых позолоченных имитаций горгонеев (Галанина 1980: 88)³. Подобные терракотовые горгонеи часто встречаются и на других меотских памятниках; более всего их было найдено в погребениях (Мальшев 1992) и в святилищах (Erlikh 2011; Эрлик 2012). Особое внимание среди изображений Горгоны Медузы, найденных на территории, где обитали меоты, привлекает к себе золотой горгонею, который был главным объектом поклонения в святилище, обнаруженном в кургане № 5 у аула Уляп (Адыгея). Вот описание этого священного предмета: «Бляха (возможно, налобник) в виде диска из листового золота с прочеканенным лицом Медузы Горгоны. Изображение слегка помято. Лицо круглое, с пухлыми щеками, глаза расширены, рот оскален, на голове крупными прядями развеваются волосы. По краям диска размещено шесть небольших отверстий с продетыми сквозь них серебряными проволочками. Этими проволочками-заклепками диск крепился к серебряной плоской рамке с двумя небольшими выступами по бокам. Между рамкой и диском был проложен кусок кожи (сохранился кожаный тлен) <...> Диаметр 5,9 см» (Лесков и др. 2013: 48, № 116, рис. 28: 14) (рис. 1: а, б).

Эта бляха была прикреплена к столбу, который находился «в самом сакральном центре сооружения» (Лесков и др. 2013: 89). Поскольку курган № 5 датируется временем в пределах первой половины IV в. до н.э., именно здесь мы имеем наиболее раннее проявление меотского ритуала, в котором главную роль играет особое почитание изображения Медузы Горгоны (Лесков и др. 2013: 89). Думается, что отнюдь не случайно в том же святилище кургана № 5 были найдены золотые бляшки с изображением головы Медузы (Лесков и др. 2013: 45, № 95—6; 46, № 96—8), а также крупные стеклянные бусины с «масками—личинами», весьма напоминающими горгонею (Лесков и др. 2013: 45, № 93; 48, № 117).

Со второй половины IV в. до н.э. в погребальных и ритуальных сооружениях меотской культуры начинают встречаться керамические горгонеи. «Большинство их имеет на лицевой стороне рельефное изображение Медузы Горгоны как с высунутым языком, так и без него. По ободку проходит линия жемчужника, а обратная сторона имеет два отверстия, куда вставлялась тонкая бронзовая проволочка, служившая для подвески» (Лесков и др. 2013: 89). В Прикубанье известно уже более 20 мест находок подобных медальонов раннеэллинистического времени, причем, как уже упоминалось выше, значительная их часть

¹ Каталог изображений Горгон на артефактах, найденных в Северном Причерноморье, см.: (Скржинская 2010: 238—240). Однако он далеко не полон: в частности, в нём отсутствуют горгонеи, которые рассматриваются нами ниже.

² Аргументацию в пользу этого утверждения см.: (Шауб 2017: 313—318). Следует отметить, что изображение горгонеев представлено и в нижнем регистре золотой треугольной пластины, украшавшей этот головной убор (Шауб 2007: рис. 3).

³ Здесь же приведены аналогии этим терракотовым украшениям как в Греции, так и в Северном Причерноморье и Прикубанье.

происходит из святилищ. По мнению В.Р. Эрлиха, медальоны с изображением Медузы привозились на Кубань из Северной Греции, где позолоченная терракота в раннеэллинистический период изготавливалась специально для погребений. Однако «разнообразие штампов может указывать на то, что центров производства было несколько» (Мальшев 1992: 51). Вероятно, отнюдь не случаен тот факт, что в Греции известны только единичные случаи находки медальонов в виде горгонеев в святилищах (Лесков и др. 2013: 89).

О популярности культовой роли горгонеев у меотов говорит тот факт, что после прекращения их поставок из Северной Греции в III в. до н.э. на Кубани начинают изготавливать местные подражания керамическим дискам с изображением Горгоны. Эти медальоны изготовлены из глины худшего качества с крупными включениями, штамп всегда нечеткий, на обороте уже нет отверстий для петли, что исключает их использование в ожерельях (Erlikh 2011: 113 след, рис. 9: 1—8). Публикаторы результатов своих раскопок закубанских святилищ признаются, что «не в состоянии объяснить на базе имеющихся в настоящее время данных популярность образа Медузы у меотов и его частое использование на Кубани в ритуальной практике». Они лишь замечают, что использование керамических горгонеев «служит отличительным признаком меотской ритуальной и погребальной практики от скифской» (Лесков и др. 2013: 89)⁴.

На вопрос о причине популярности образа Медузы у меотов и его частом использовании в их ритуальной практике попыталась ответить Е.А. Беглова, которая в «почитании в меотских ритуалах культа Горгоны Медузы» видит «следы греческого влияния». В то же время она допускает, что культ этого божества, образ которого «воплощал в себе страх и смерть», «был адаптирован к местным представлениям о заупокойном мире, к существовавшему воинскому ритуалу, основной целью которого было устрашение врагов и темных загробных сил» (Беглова и др. 2014: 43). Что касается тезиса о распространении горгонеев в меотской среде под влиянием греческого культа Медузы, то в эпоху начала контактов меотов с греками у последних он уже едва ли существовал. В то же время, мысль об адаптации её образа и связанных с ней мифологических представлений к местным верованиям сомнений не вызывает (Раевский 1985: 173; Шауб 1992; 1999 и др.). Для того чтобы попытаться разобраться в Характере этих местных верований и ритуалов, стоит вспомнить некоторые наши мысли об особенностях мировидения других причерноморских варваров — скифов. Характерный для их искусства принцип соединения в одном образе черт противоположных по своей сути живых существ («зооморфные превращения»)⁵, напоминает (естественно, *mutatis mutandum*) китайскую концепцию инь-ян⁶. Это сходство (кроме самого принципа динамического сочетания противоположностей) мы усматриваем и в свойственной обоим феноменам экспрессии, и в их шаманистической подоснове, и в характерной для них обоим связью с экстатическими культами и ритуальной переменой пола. И подобно тому, как в даосизме, сохранившем многое из древних верований и аграрных культов, принцип инь-ян, который основывается на представлении о мире как взаимном сопряжении противоположных сущностей, кристаллизовался в знаменитом знаке, у скифов подобная

⁴ Последнее утверждение не совсем верно. Если изредка встречающиеся в могилах Европейского Боспора керамические горгоней могли принадлежать покойникам—меотам, то гораздо труднее предположить подобное для хозяина (хозяйки?) гробницы, найденной в Никонии. Здесь «чёрные археологи» в «исследованном» ими склепе V в. до н.э., где был погребён знатный скиф (скифянка?), обнаружили возле его (её?) головы скопление глиняных «кружочков», изображающих Горгону Медузу; глиняные горгонейоны были плакированы или окрашены золотом (Рябова, Лежух 2001: рис. 5: 3).

⁵ Об этом явлении в искусстве скифов см.: (Канторович 2002).

⁶ Об этой концепции двух противоположных и взаимодополняющих начал, см., например: (Маслов 2003: 29—36).

интуиция, вероятно, нашла отражение и в системе «зооморфных превращений», и в изображениях сцен терзания, и в монструозных образах (Шауб 2017). Многие сказанное о скифах можно смело отнести и к явно близким к ним по менталитету меотам, которых в образе Горгоны Медузы, судя по всему, привлекло совмещение таких противоположных начал, как тёмное и светлое, женское и мужское, воинственность и материнство⁷.

Нужно сказать, что образ Горгоны Медузы в верованиях причерноморских варваров был тесно связан с образом змееногой богини⁸ — наиболее оригинально и ярко представленном на золотых бляшках из кургана Куль-Оба (Шауб 2007: рис. 14). Тот факт, что аналогичный сюжет — змееногая богиня с ножом в правой руке и отрубленной головой сатира в левой — фигурирует на золотой пластине из кургана у станицы Ивановской (Шауб 2007: рис. 19), который находится на территории, где обитали меоты, свидетельствует об их знакомстве с образом этого божества⁹. М.И. Ростовцев предположил, что источником происхождения иконографии змееногой богини является древний ионийский мотив Медузы (Rostovtzeff 1922: 108). Это совершенно правильно, т.к. в античном искусстве антропоморфному змееногому персонажу предшествует именно змееногая Горгона, которая представлена на ряде ручек бронзовых позднеархаических кратеров (Шауб 2007: рис. 12), а на о. Крит получеловеческий—полузмеинный персонаж до сих пор называется «Горгоной» (Gimbutas 1989: 132). В то же время М. И. Ростовцев (Ростовцев 1925: 382), как и подавляющее большинство других исследователей прошлого и настоящего, объяснял исключительную популярность горгонеев в Скифии (а также на Боспоре) лишь тем апотропеическим значением, которое приписывалось им в Греции; из последних работ см., например: (Русяева 2002; Дувакин 2009, Скржинская 2010: 202—205; Рахно 2019).

Действительно, представление о том, что всё странное, чужое, непонятное, а тем более пугающее, служит знаком скрытых сил, является характерной особенностью человеческой психики. «Всё... чудовищное становится вместилищем магико-религиозных сил и, в зависимости от обстоятельств, предметом поклонения или страха», — справедливо отмечает М. Элиаде (Элиаде 1999: 28—29)¹⁰. Однако этого объяснения отнюдь не достаточно для понимания глубинных пластов чрезвычайно сложного образа Горгоны Медузы¹¹, которая, в полном соответствии со своим именем «Владычица», первоначально сама являлась ипостасью Великой богини (Frothingham 1911: 349 след.; 1922; Marinatos 1927—1928: 7 след.; Christou 1968: 147) — владычицей жизни и смерти (Шауб 1992; 1999; 2007; 2008; 2011; 2014).

Совсем недавно исследование интересующего нас образа в аналогичном ключе предприняла О.А. Золотникова (Zolotnikova 2016). При этом она опиралась на исследование Артура Л. Фротингема (Frothingham 1911: 349 след.), который утверждал, что Горгона была древней Критской и, шире, — Эгейской, богиней дикой природы, плодородия и рождения, а также покровительницей детей и женщин; при этом она имела примитивную устрашающую наружность. В начале исторического периода она была замещена Артемидой и попала в услужение к Афине¹² и Зевсу (Zolotnikova 2016: 359).

⁷ О наличии в образе Горгоны Медузы этих и ряда других базовых черт, характерных для всеобъемлющего божества, см.: (Шауб 1999 и др.)

⁸ И близкой к ней Скилле (Шауб 2009).

⁹ Прочие аргументы в пользу не только знакомства меотов с образом змееногой богини, но и с существованием у них связанного с нею мифа, см.: (Шауб 2011: 94 след.)

¹⁰ Некоторые исследователи ассоциируют образ Горгоны с подсознательными эмоциями и считают её, вслед за З. Фрейдом, персонификацией страха (Rose 1928: 29—30).

¹¹ Подавляющее большинство антиковедов придерживается традиционного взгляда на Горгону как на чисто мифологического монстра; см, например: (Ziegler 1912; Krauskopf 1988).

¹² По мнению А.Ф. Лосева, Горгона — это alter ego хтонической Афины (Лосев, 1999: 244, 252), что можно рассматривать как суженный вариант гипотезы А. Фротингема.

Проанализировав богатые материалы Великой Греции (другие области греческой колонизационной деятельности остались вне её поля зрения), О.А. Золотникова пришла к выводу, что жители этой области «дольше, усерднее и преданнее сохраняли в своих религиозных верованиях образ Горгоны в той форме, в которой он существовал в материковой Греции в начале исторического периода и в которой он был перенесен в Италию первыми колонистами. Это вполне понятно: вынужденные жить отдельно от своей метрополии, греки— колонисты особенно настойчиво соблюдали и сохраняли религиозные традиции своей родины такими, какими они были в момент основания колоний. Поэтому в Великой Греции Горгона как богиня, изначально имевшая две природы и две стороны — добрую и злую, красивую и ужасную, соответственно — оставалась такой в течение всего архаического периода, а в материковой Греции религиозные представления, стремительно изменяясь, привели к финальной дифференциации между Олимпийской гармонией и красотой и примитивной доолимпийской дикостью и грубостью» (Zolotnikova 2016: 365—366).

По словам исследовательницы, в религиозной образности Западной Греции Горгона в качестве древней богини природы и покровительницы всего живого никогда полностью не теряла свое доброе и красивое обличье и никогда не воспринималась только как монстр в такой степени, как это произошло в религиозных представлениях материковой Греции в середине архаического периода.

Возможно, сохранению жившими в Италии греками образа Горгоны в первоначальной форме способствовало почитание, которым она была окружена у этрусков. Северные соседи греков в Италии устойчиво поклонялись Горгоне как покровительнице жизни; вероятно, полагает О.А. Золотникова, именно они одними из первых изобразили Горгон как привлекательных женщин уже в третьей четверти VI в. до н.э. (Zolotnikova 2016: 366)

Учитывая приведённые выше соображения, есть все основания полагать, что и в Северном Причерноморье происходила подобная консервация в образе Горгоны её архаических черт. Это должно было способствовать восприятию меотами образа Горгоны как одного из главных воплощений Великой богини, которую почитали и другие местные племена Причерноморья (Шауб 1999 и др.). О том, что Горгона в этой ипостаси, выступая в обличье Владычицы зверей, была известна в варварской среде, может свидетельствовать её изображение на золотой пластине — украшении деревянного сосуда (?) из разграбленного погребения кургана Шахан, или Семиколенный, близ станицы Тульской Майкопского района (Бессонова 1983: 86, рис. 9: 2), а также на серебряном ритоне из Келермесса (Шауб 2007: рис. 6)¹³. На Боспоре великолепно исполненное изображение Горгоны со змеями в руках (т.е. в аспекте Владычицы змей) представлено на инталии начала V в. до н.э., найденной в одной из из пантикапейских могил (Шауб 2007: рис. 18).

Кроме того, у варваров, которые практиковали ритуальное отсечение человеческой головы и окружали её религиозным почитанием (Шауб 1987: 16; 2007; 2011: 118—120; Лесков и др. 2013: 77), горгоной должен был ассоциироваться с этим культом¹⁴. О широком

¹³ К сожалению, лицо богини почти полностью разрушено коррозией. Это божество, несомненно, близко изображенной на Келермесском зеркале Владычице зверей (обычно их полностью отождествляют), но его иконография имеет существенные отличия. Во-первых, на ногах божества небольшие крылышки, что в античном искусстве не типично для изображения Владычицы зверей, но характерно для Горгоны Медузы, как и поза «коленипреклоненного бега».

Кроме того, грифоны в качестве Владычицы зверей вообще не типичны для восточно-греческого искусства (Бессонова 1983: 86).

¹⁴ Судя по всему, у причерноморских варваров наряду с оргиастической женской формой культа отсеченной человеческой головы, сопоставимого с аналогичными ритуалами Восточного Средиземноморья, существовала и воинская мужская разновидность подобного культа. Однако состояние наших источников не позволяет провести между этими формами культа резкую грань, а возможно, ее и вовсе не было (Шауб 2011: 120).

распространении этой практики у меотов свидетельствуют как памятники изобразительного искусства (золотой колпачок из Курджипса, пластина из Зубова кургана и др.) (Шауб 2007: рис. 24, 31), так и отрубленные головы, найденные в их святилищах и ритуальных комплексах (см., например: (Лесков и др. 2013: 58, 68, 69, 73, 77, 79 и др.))¹⁵. В связи с этими фактами нужно отметить, что, согласно логике мифологического мышления, Медуза («Владычица») до того, как стать объектом декапитации со стороны героя Персея, должна была сама мыслиться способной обезглавливать и, соответственно, в качестве покровительницы подобных ритуалов.

Вполне вероятно, что популярности изображений горгонеев в Скифии могла способствовать и вера в существование здесь женщин, могущих убивать взглядом (Plin. Nat. Hist. VII., 17), что имеет несомненное сходство с греческими представлениями о Горгоне, взгляд которой убивает (или превращает в камень).

Описывая этих женщин, Плиний сообщает, что они отличаются двойным зрачком в одном глазу¹⁶ и образом коня в другом. В связи с этим нужно вспомнить, что Медуза Горгона иногда изображалась с лошадиным телом, а также считалась матерью крылатого коня Пегаса, родившегося от Посейдона, который принял обличье коня. К рассказу Плиния интересную деталь добавляет Солин: эти женщины губят своим взглядом, если случайно на кого-нибудь посмотрят в гневе (Solin., I, 101).

Эти рассуждения отнюдь не противоречат тому, что в Северном Причерноморье, как и в метрополии, греки видели в изображении Горгоны могучий апотропей, но не столько в силу его устрашающего облика (который в IV в. до н.э. уже не был таковым), а потому, что в нем сохранялась сакральная мощь могучего древнего божества (подробнее см: Шауб 2010: 13—14, прим. 61, 62).

Параллели с греческой Горгоной Медузой можно найти в мифологиях и на памятниках изобразительного искусства по всему миру (см., например: Гусева 1977: 139; Smith 1926; Wilk 2000: 55 след.). Однако представляется отнюдь не случайным разительное сходство между нею и богиней-матерью Тушоли — одним из наиболее почитавшихся божеств у кавказцев, особенно у чеченцев и ингушей (Цароева 2012)¹⁷. По словам В.Б. Виноградова, популярность этой древней богини плодородия и урожая, культ которой существовал до конца XIX в., выходила далеко за пределы Чечни и Ингушетии, «так как до недавнего времени она почиталась и хевсурами, тушинами, а в древности, конечно, и еще более широким кругом близкородственных кавказских племен» (Виноградов 1966: 86).

Тушоли — единственное горское божество, у которого было антропоморфное изображение в виде деревянного идола с женской маской на нем. Тушоли так и называлась у чеченцев и ингушей — «даьла юхь Тушоли», т.е. «божий лик (образ) Тушоли» (Виноградов 1966: 86). Самый интересный и важный объект её культа — металлическая пластина в виде полумаски, служившая «лицом» идола Тушоли — была найдена Е.С. Шиллингом (Шиллинг 1931: 33) (рис. 2)¹⁸. Графическое изображение на лбу маски напоминает статую Тушоли (рис. 3), представленную одновременно в прямом и перевёрнутом виде. Знаком ингушской

¹⁵ Лесков и др. 2013: 77. Наряду с этим (главным) у меотов практиковались и другие виды человеческих жертвоприношений, которые, вполне вероятно, сочетались с ритуальным каннибализмом (Лесков и др. 2013: 75, 81, 83, 87—88).

¹⁶ О связи двойного зрачка и Великой богини см., например: (Андерсен 2007: 15).

¹⁷ А.А. Захаров уже давно нашёл черты, роднящие Тушоли с Сирийской богиней (Захаров 1934—1935), а Л.П. Семёнов — с Кибелой (Семёнов 1959). Обе эти родственные Тушоли богини являлись ипостасями Великой богини Ближнего Востока.

¹⁸ За присылку этой иллюстрации, а также фотографии скульптурного изображения Тушоли (рис. 3), благодарю И.М. Булатбиева — сотрудника отдела языка и литературы Академии наук Чеченской Республики.

этнографии Д.Д. Мальсагов так описывает один из обрядов, совершаемых в честь Тушоли: «Из святилища в селении Ког весной в праздник Тушоли жрец (цѣна саг) выносил к народу деревянный идол Тушоли с железной маской на лице. Народ в ужасе падал ниц, не смея взглянуть на богиню» (цит. по: Виноградов 1966: 86; выделено нами — И.Ш.).

«Разрушенные временем деревянные идолы богини уступали место новым. Не раз заменялись и металлические маски. Но каждый новый божий лик Тушоли обязательно передавал суровое и печальное выражение лица богини, соответствующее содержанию окружавших ее суеверий», — пишет В.Б. Виноградов, отмечая: «Рождение культа богини плодородия Тушоли уходит в глубокую древность, и бытование его в VIII—VI вв. до н.э., когда была отлита бронзовая маска женского божества, отнюдь не представляется неожиданным» (Виноградов 1966: 87). Речь идёт о культовой бронзовой маске VIII—VI вв. до н.э. из селения Нар. Л.П. Семенов, сравнив её с одной из позднейших масок Тушоли и ее деревянным идолом, указал на очевидное стилистическое и композиционное сходство обоих изображений женских лиц. «И сходство это, конечно, не случайно — за ним скрывается тождество объектов почитания», — комментирует В.Б. Виноградов (Виноградов 1966: 87).

Таким образом, культ, основным объектом которого была металлическая маска, присоединённая к деревянной основе, очень схож с тем, который зафиксирован в меотском святилище в кургане № 5 у аула Уляп. Почитание Тушоли прослеживается до VIII—VI вв. до н.э., т.е. восходит ко времени формирования меотской культуры. Причём аналогия между обоими культурами заключается не только в маске как главной черте облика как Горгоны, так и Тушоли, но и в той опасности, которая исходила от их лицезрения. Кроме того, атрибутами и того, и другого божества были змеи¹⁹.

Итак, исследование памятников с изображениями Горгоны Медузы, которые были найдены на территории, где обитали меоты, показывает, что авторитетное в научной литературе мнение о сохранении чисто греческого характера этого образа у варваров и его неслучайной связи с сюжетами эллинской мифологии (Скржинская 2010: 202—205), явно несостоятельно. Значение образа Горгоны Медузы в религиозно-мифологических представлениях меотов (а также других варваров, живших на Боспоре) существенно отличалось от той роли, которую он играл в Греции эпохи классики и эллинизма (см., например: Krauskopf 1988: 285 след.; Wilk 2000). Несомненное наличие у меотов культа, в котором главную роль играли горгоней, а также сходство образа Горгоны Медузы и религиозно-мифологических представлений о ней с образом и особенностями почитания Великой кавказской богини-матери Тушоли, свидетельствует об адаптации греческого образа к местным верованиям.

Эти факты являются важным дополнительным аргументом в пользу уже давно выдвинутой нами гипотезы о том, что обитавшие в Северном Причерноморье варвары видели в Горгоне Медузе одну из ипостасей своей Великой богини (Шауб 1992; 1999 и др.). В связи с этим нужно отметить, что, если единственным антропоморфным образом, пленившим воображение меотов, обитавших близ современного аула Уляп, был образ Горгоны Медузы²⁰, который меотские мастера даже пытались копировать²¹, то в одном из Тенгинских святилищ наряду с горгоней зафиксированы терракотовые изображения

¹⁹ О змеях как атрибутах Тушоли см.: (Акиева 2017: 22)

²⁰ Если не считать весьма схематически запечатлённого на одном амулете (Лесков и др. 2013: 46, № 97) египетского андрогинного бога Бэса. Но и его роднят с Горгоной Медузой такие черты, как безобразное лицо с высунутым языком и змея в качестве одного из главных атрибутов.

²¹ Не только здесь, но и в других местах обитания меотов; см.: (Марченко 1996: 237, рис.18: E 2; 278, рис. 58: 4).

рогатой Ио (Эрлих 2002: 234, рис. 1, 20)²² — ещё одной наследницы образа Великой богини Эгеиды (Шауб 2020)²³.

Будем надеяться, что наше небольшое исследование позволит несколько расширить крайне скудные представления о религиозной жизни меотов²⁴.

Литература

- Авалиани Э. 2012. Монстры эллинского мифа и их периферийные варианты. *ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция*. Вып. 6. № 2, 306—322.
- Акиева П.Х. 2017. Архетипическое в этнокультуре ингушей (на материале мифологии, нартского эпоса и обрядов жизненного цикла). Автореф. дисс... докт. ист. наук. Махачкала: Дагестанский научный центр РАН.
- Андерсен В.В. 2007. Мифологические основы предания о лидийском царе Гиге. *Новый Гермес* I, 10—16.
- Беглова и др. 2014: Беглова Е.А., Габуев Т.А., Ксенофонтова И.В., Носкова Л.М. 2014. *Археология Северного Кавказа. Путеводитель по «Особой кладовой. Археология»*. Москва: Государственный Музей Востока.
- Бессонова С.С. 1983. *Религиозные представления скифов*. Киев: Наукова думка.
- Виноградов В.Б. 1966. *Тайны минувших времен*. Москва: Наука.
- Галанина Л.К. 1980. *Курджинский курган*. Ленинград: Искусство.
- Гусева Н.Р. 1977. *Индуизм*. Москва: Наука.
- Дувакин Е.Н. 2009. Голова Медузы Горгоны: семантика апотропея. *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология* 9, 97—104.
- Захаров А.А. 1934—1935. Ингушская богиня Тушоли и Dea Sygia Лукиана. *Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения* VI.2, 118—128.
- Канторович А.Р. 2002. Классификация и типология элементов «зооморфных превращений» в зверином стиле степной Скифии. В: Евлевский А.В. (ред.). *Структурно-семиотические исследования в археологии*. Т. 1. Донецк: ДонНУ, 77—130.
- Круглов Е.А., Подопригра А.Р. 2017. Андрогинная Горгона римской Британии. *Новый Гермес* 10, 191—201.
- Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В. 1894. *Курган Карагодеуаих*. МАР 13.
- Лесков и др. 2013: Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. 2013. *Меоты Закубанья в середине VI — начале III вв. до н.э.: Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы*. Москва: Наука.
- Лосев А.Ф. 1999. Афина Паллада. В: Тахо-Годи А.А., Лосев А.Ф. *Греческая культура в мифах, символах и терминах*. Санкт-Петербург: Алетей, 227—328.
- Мальшев А.А. 1992. Позолоченные терракотовые медальоны с изображением Медузы Горгоны в Прикубанье. В: Кокорина Ю.Г., Переводчиков В.В. (ред.). *Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989—1990 гг. Материалы семинара по скифо-сарматской археологии*. Москва: МГУ, 49—56.
- Марковин В.И. 1994. *Каменная летопись страны вайнахов. Памятники архитектуры и искусства Чечни и Ингушетии*. Москва: Русская книга.
- Марченко И.И. 1996. *Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани)*. Краснодар: Кубанский государственный университет.
- Маслов А.А. 2003. Инь и ян: хаос и порядок. В: Маслов А.А. (ред.). *Китай: Укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз*. Москва: Алетей, 29—36.
- Раевский Д.С. 1985. *Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э.* Москва: ГРВЛ.

²² В. Р. Эрлих называет Ио просто «женским рогатым божеством» (Эрлих 2002: 234).

²³ Подкрепляет гипотезу об Ио как одной из ее ипостасей Великой богини и существование подобных религиозных верований у южных соседей меотов — колхов (Шауб 2020: 135, прим. 32).

²⁴ В связи с почитанием Горгоны меотами и аналогичного образа некоторыми народами Индии, где этот образ представляет одну из аватар местной Великой богини (Гусева 1977: 139), встаёт вопрос (который мы оставляем открытым): не обусловлен ли этот феномен их общим индоарийским происхождением, о котором могут свидетельствовать данные лингвистики (Трубачев 1976)?

- Рахно К. 2019. Горгона в будівельній кераміці античності: витоки та семантика апотропею. *Археологічна Керамологія. Опішне.* № 2 (2), 93—119.
- Ростовцев М.И. 1925. *Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических.* Ленинград: Государственная академия истории материальной культуры.
- Русяева М.В. 2002. Горгонейоны на произведениях торевтики из Скифских курганов. В: *БЧЗ. Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья.* Керчь: Центр археологических исследований, 216—218.
- Рябова В.А., Лежух И.П. 2001. «Чёрная археология» и история царя Скила. *Восточноевропейский археологический журнал* 2(9). URL: http://archaeology.kiev.ua/journal/020301/ryabova_lezhukh.htm (дата обращения 25.11.2021).
- Семенов Л.П. 1959. Фригийские мотивы в древней ингушской культуре. *Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы.* Т. 1. Вып. 1. *История,* 197—219.
- Скржинская М.В. 2010. *Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья.* Киев: Институт истории Украины НАН Украины, 202—205.
- Трубачев О. Н. 1976. *О синдах и их языке.* ВЯ 4, 39—63.
- Цароева М. 2012. *Тушоли — последняя богиня-мать Кавказа.* Ростов-на-Дону: Южный издательский дом.
- Шауб И.Ю. 1987. К вопросу о культе отрубленной человеческой головы у варваров Северного Причерноморья и Приазовья. В: Максименко В.Е., Раев Б.А. (ред.). *Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье (тезисы докладов к семинару).* Новочеркасск: [б.и.], 16.
- Шауб И.Ю. 1992. Образ Медузы Горгоны в Северном Причерноморье. В: *Древние культуры и археологические изыскания. Материалы к пленуму ИИМК 26—28 ноября 1991 г.* Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 70—72.
- Шауб И.Ю. 1999. Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья. *Stratum plus* 3, 207—224.
- Шауб И.Ю. 2006. Причерноморско-италийские этюды VI. Змееногая богиня в Скифии и Древней Италии. *Итальянский сборник* 9, 5—22.
- Шауб И.Ю. 2007. *Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII—IV вв. до н.э.* Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Шауб И.Ю. 2008. *Италия—Скифия: культурно-исторические параллели.* Москва; Санкт-Петербург: ИИМК РАН.
- Шауб И.Ю. 2009. О семантике изображения Скиллы на зеркале из Артюховского кургана. В: Вахтина М.Ю., Соколова О.Ю., Грицик Е.В., Зуев В.Ю., Кашаев С.В., Хршановский В.А. (ред.). *Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции.* Санкт-Петербург: Нестор-История, 276—280.
- Шауб И.Ю. 2010. Об архаических чертах в культе Деметры в Ольвии. *Новый Гермес* 4, 5—14.
- Шауб И.Ю. 2011. *Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI—IV вв. до н.э.).* Saarbrücken: LAP.
- Шауб И.Ю. 2014. Боспорские курганы и загробные представления боспорян. *БИ XXX*, 639—694.
- Шауб И.Ю. 2017а. Боспорское жречество. *БИ XXXIV. Элита Боспора Киммерийского: Традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени,* 288—324.
- Шауб И.Ю. 2017б. Монстры в культуре скифов. *Новое прошлое* 4, 25—47.
- Шауб И.Ю. 2019. Монстры в древности. Первобытность. Эгейская культура. Древний Восток. *Античный мир.* Фуртай Ф.В. (ред.). *Архетип Ночи в мировой культуре.* Санкт-Петербург: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 211—234.
- Шауб И.Ю. 2020. Боспорская Ио. *Новый Гермес* 12-1, 130—138.
- Шиллинг Е.М. 1931. *Ингуши и чеченцы. Религиозные верования народов СССР.* Т. 2. Москва; Ленинград: Московский рабочий, 9—40.
- Элиаде М. 1999. *Очерки сравнительного религиоведения.* Москва: Ладомир.
- Эрлих В.Р. 2002. Украшения из Тенгинских святилищ. В: Вахтина М.Ю., Зуев В.Ю., Кашаев С.В., Хршановский В.А. (ред.). *Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции.* Ч. 2. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 232—236.
- Эрлих В.Р. 2012. Украшения из золоченой терракоты в меотских памятниках Прикубанья (к проблеме культурных контактов в раннеэллинистическое время). В: Журавлев Д.В., Фирсов К.Б. (отв. ред.).

- Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной. Москва: ГИМ, 259—273 (Труды ГИМ 191).
- Christou A.Ch. 1968. *Potnia Theron: eine Untersuchung über Ursprung, Erscheinungsformen und Wandlungen der Gestalt einer Gottheit*. PhD Thesis. Thessalonike.
- Erlikh V. 2011. Gilded Terracotta Jewellery from Meotian Sites of the Kuban Region: the Problem of Intercultural Contact in the Early Hellenistic Period. *PONTIKA 2008. Recent Research on the Northern and Eastern Black Sea in Ancient Times. Proceedings of the International Conference, 21st — 26th April 2008, Kraków*, 113—128 (BAR Intern. ser. 2240).
- Frothingham A.L. 1911. Medusa, Apollo and the Great Mother. *AJA*. Vol. 15. No. 3, 349—377.
- Frothingham A.L. 1922. Medusa as Artemis in the Temple at Corfu. *AJA*. Vol. 26. No. 1, 84—85.
- Gimbutas M. 1989. *The Language of the Goddess*. New York: Thames and Hudson.
- Krauskopf I. 1988. *Gorgo, Gorgones*. *LIMC IV*: 285—330.
- Marinatos S. 1927—1928. Γοργόνες καὶ Γοργόνεια. *Αρχαιολογική Ἐφημερίς 1927—1928*, 7—41.
- Rostovtzeff M. 1922. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford: Clarendon Press.
- Rose H. 1928. *Handbook of Greek Mythology*. London: Methuen & Co.
- Smith S. 1926. The face of Huwawa. *Journal of the Royal Asiatic Society* 26, 440—442.
- Wilk St. 2000. *Medusa: solving the mystery of the Gorgon*. Oxford: Oxford University Press.
- Ziegler K. 1912. Gorgo. In: Wissowa G., Kroll W. (Hrsg.). *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung*. Bd. 14. Hb. 2. *Glykyrrh—Helikeia*. Stuttgart: J.B. Metzlersche Buchhandlung, 1630—1655.
- Zolotnikova O.A. 2016. A hideous monster or a beautiful maiden?: Did the Western Greeks alter the concept of Gorgon? In: Reid H.L., Tanasi D. (eds.). *Philosopher Kings and Tragic Heroes: Essays on Images and Ideas from Western Greece*. Sioux City: Parnassos Press, 353—370.

References

- Avaliani, E. 2012. In: *ΣΧΟΛΗ. Filosofskoye antikovedeniye i klassicheskaya traditsiya (ΣΧΟΛΗ. Philosophical antiquity and the classical tradition)*. Iss. 6. No. 2, 306—322 (in Russian).
- Akueva, P.Kh. 2017. Archetypal in the ethnoculture of the Ingush (on the material of mythology, the Nart epos and rituals of the life cycle). Dr. habil. Thesis Abstract. Makhachkala: Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Andersen, V.V. 2007. In *Novyy Germes (New Hermes) I*, 10—16 (in Russian).
- Beglova i dr. 2014: Beglova, E.A., Gabuyev, T.A., Ksenofontova, I.V., Noskova, L.M. 2014. *Arkheologiya Severnogo Kavkaza. Putevoditel' po "Osoboy kladovoy. Arkheologiya" (Archaeology of the North Caucasus. Guide to the "Special Pantry. Archaeology")*. Moscow: Gosudarstvennyy Muzey Vostoka (in Russian).
- Bessonova, S.S. 1983. *Religioznye predstavleniya skifov (Religious representations of the Scythians)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
- Vinogradov, V.B. 1966. *Tayny minuvshikh vremen (Secrets of past times)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Galanina, L.K. 1980. *Kurdzhipskiy kurgan (Kurdzhip barrow)*. Leningrad: Iskusstvo (in Russian).
- Guseva, N.R. 1977. *Induizm (Hinduism)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Duvakin, E.N. 2009. In *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedeniye. Yazykoznanie. Kul'turologiya (Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary criticism. Linguistics. Culturology)* 9, 97—104 (in Russian).
- Zakharov, A.A. 1934—1935. In *Izvestiya Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta krayevedeniya (Proceedings of the Ingush Research Institute of Local Lore)* VI.2, 118—128 (in Russian).
- Kruglov, E.A., Podoprighora, A.R. 2017. In *Novyy Germes (New Hermes) 10*, 191—201 (in Russian).
- Lappo-Danilevskiy, A., Mal'mberg, V. 1894. In *Materialy po arkheologii Rossii (Materials on the archaeology of Russia)* 13 (in Russian).
- Leskov i dr. 2013: Leskov, A.M., Beglova, E.A., Ksenofontova, I.V., Erlikh, V.R. 2013. *Meoty Zakuban'ya v seredine VI — nachale III vv. do n.e.: Nekropoli u aula Ulyap. Svyatilishcha i ritual'nyye kompleksy (Meots of the Trans-Kuban region in the middle of the 6th — beginning of the 3rd cc. BCE: Necropolis near the village of Ulyap. Sanctuaries and ritual complexes)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Losev, A.F. 1999. In: Takho-Godi, A.A., Losev, A.F. *Grecheskaya kul'tura v mifakh, simbolakh i terminakh (Greek culture in myths, symbols and terms)*. Saint Petersburg: Aletyya, 227—328 (in Russian).

- Malyshev, A.A. 1992. In: Kokorina, Yu.G., Perevodchikov, V.V. (eds.). *Grakovskiy chteniye na kafedre arkheologii MGU 1989—1990 gg. Materialy seminarov po skifo-sarmatskoy arkheologii (Grakovsky readings at the Department of Archaeology of Moscow State University 1989—1990. Materials of the seminar on Scythian-Sarmatian archaeology)*. Moscow: MGU, 49—56 (in Russian).
- Markovin, V.I. 1994. *Kamennaya letopis' strany vaynakhov. Pamyatniki arkhitektury i iskusstva Chechni i Ingushetii (Stone chronicle of the Vainakh country. Monuments of architecture and art of Chechnya and Ingushetia)*. Moscow: Russkaya kniga (in Russian).
- Marchenko, I.I. 1996. *Siraki Kubani (Po materialam kurgannykh pogrebeniy Nizhney Kubani) (Siraces of the Kuban (Based on materials from barrow burials in the Lower Kuban))*. Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet (in Russian).
- Maslov, A.A. 2003. In: Maslov, A.A. (ed.). *Kitay: Ukroshcheniye drakonov. Dukhovnyye poiski i sakral'nyy ekstaz (China: Taming of dragons. Spiritual quest and sacred ecstasy)*. Moscow: Aleteyya, 29—36 (in Russian).
- Rayevskiy, D.S. 1985. *Model' mira skifskoy kul'tury. Problemy mirovozzreniya iranoyazychnykh narodov yevraziyskikh stepey I tysyacheletiya do n.e. (Model of the world of Scythian culture. Problems of the worldview of the Iranian-speaking peoples of the Eurasian steppes of the 1st millennium BCE)*. Moscow: GRVL (in Russian).
- Rakhno, K. 2019. In *Arkheologichna Keramologiya. Opishne (Archaeological Keramology. Opishne)*. No. 2 (2), 93—119 (in Ukrainian).
- Rostovtsev, M.I. 1925. *Skifiya i Bospor. Kriticheskoye obozreniye pamyatnikov literaturnykh i arkheologicheskikh (Scythia and the Bosporus. Critical review of literary and archaeological monuments)*. Leningrad: Gosudarstvennaya akademiya istorii material'noy kul'tury (in Russian).
- Rusayeva, M.V. 2002. In: *Bosporskiye chteniya (Bosporan readings) 3. Bospor Kimmeriyskiy, Pont i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya (Cimmerian Bosporus, Pontus and the barbarian world in the period of antiquity and the Middle Ages)*. Kerch: Tsentr arkheologicheskikh issledovaniy, 216—218 (in Russian).
- Ryabova, V.A., Lezhukh, I.P. 2001. “Chornaya arkheologiya” i istoriya tsarya Skila. *Vostochnoyevropeyskiy arkheologicheskii zhurnal (Eastern European Archaeological Journal) 2(9)*. Available at: http://archaeology.kiev.ua/journal/020301/ryabova_lezhukh.htm (accessed 25.11.2021) (in Russian).
- Semenov, L.P. 1959. In *Izvestiya Checheno-Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta istorii, yazyka i literatury*. Vol. 1. Iss. 1. *Istoriya (History)*, 197—219 (in Russian).
- Skrzhinskaya, M.V. 2010. *Kul'turnyye traditsii Ellady v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya (Cultural traditions of Hellas in the ancient states of the Northern Black Sea region)*. Kyiv: Institut istorii Ukrainy NAN Ukrainy, 202—205 (in Russian).
- Kantorovich, A.R. 2002. In: Evglevskiy, A.V. (ed.). *Strukturno-semioticheskiye issledovaniya v arkheologii (Structural-semiotic research in archaeology)*. Vol. 1. Donetsk: DonNU, 77—130 (in Russian).
- Trubachev, O. N. 1976. In *Vosprosy yazykoznavaniya (Questions of linguistics) 4*, 39—63 (in Russian).
- Tsaroyeva, M. 2012. *Tusholi — poslednyaya boginya-mat' Kavkaza (Tusholi - the last mother goddess of the Caucasus)*. Rostov-on-Don: Yuzhnyy izdatel'skiy dom (in Russian).
- Shaub, I.Yu. 1987. In: Maksimenko, V.E., Rayev, B.A. (eds.). *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir v Podon'ye-Priazov'ye (tezisy dokladov k seminaru) (Antique Civilization and the Barbarian World in the Don-Azov Region (abstracts for the seminar))*. Novochoerkassk: [s.n.], 16 (in Russian).
- Shaub, I.Yu. 1992. In: *Drevniye kul'tury i arkheologicheskkiye izyskaniya. Materialy k plenumu IIMK 26—28 noyabrya 1991 g. (Ancient cultures and archaeological research. Materials for the plenum of IIMK November 26—28, 1991)*. Saint Petersburg: IIMK RAN, 70—72 (in Russian).
- Shaub, I.Yu. 1999. In *Stratum plus 3*, 207—224 (in Russian).
- Shaub, I.Yu. 2006. In *Ital'yanskiy sbornik (Italian collection) 9*, 5—22 (in Russian).
- Shaub, I.Yu. 2007. *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'ye VII—IV vv. do n.e. (Myth, cult, ritual in the Northern Black Sea region of the 7th — 4th cc. BCE)*. Saint Petersburg: SPbGU (in Russian).
- Shaub, I.Yu. 2008. *Italiya—Skifiya: kul'turno-istoricheskiye paralleli (Italy—Scythia: cultural and historical parallels)*. Moscow; Saint Petersburg: IIMK RAN (in Russian).
- Shaub, I.Yu. 2009. In: Vakhtina, M.Yu., Sokolova, O.Yu., Gritsik, E.V., Zuyev, V.Yu., Kashayev, S.V., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Bosporskiy fenomen: iskusstvo na periferii antichnogo mira. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Bosporan Phenomenon: Art on the Periphery of the Ancient World. Materials of the international scientific conference)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 276—280 (in Russian).

- Shaub, I.Yu. 2010. In *Novyy Germes (New Hermes)* 4, 5—14 (in Russian).
- Shaub, I.Yu. 2011. *Ellinskiye traditsii i varvarskiye vliyaniya v religioznoy zhizni grecheskikh koloniy Severnogo Prichernomor'ya (VI—IV vv. do n.e.) (Hellenic traditions and barbarian influences in the religious life of the Greek colonies of the Northern Black Sea region (6th — 4th cc. BCE))*. Saarbrücken: LAP (in Russian).
- Shaub, I.Yu. 2014. In *Bosporskiye issledovaniya (Bosporan Studies)* XXX, 639—694 (in Russian).
- Shaub, I.Yu. 2017a. In *Bosporskiye issledovaniya (Bosporan Studies)* XXXIV (in Russian). *Elita Bospora Kimmeriyskogo: Traditsii i innovatsii v aristokraticheskoy kul'ture dorimskogo vremeni (The elite of the Cimmerian Bosporus: Traditions and innovations in the aristocratic culture of the pre-Roman period)*, 288—324 (in Russian).
- Shaub, I.Yu. 2017b. In *Novoye proshloye (New Past)* 4, 25—47 (in Russian).
- Shaub, I.Yu. 2019. In Furtay, F.V. (ed.). *Arkhetip Nochi v mirovoy kul'ture (Archetype of Night in world culture)*. Saint Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina, 211—234 (in Russian).
- Shaub, I.Yu. 2020. In *Novyy Germes (New Hermes)* 12-1, 130—138 (in Russian).
- Shilling, E.M. 1931. Ingushi i chechentsy. Religioznyye verovaniya narodov SSSR. T. 2. Moscow; Leningrad: Moskovskiy rabochiy, 9—40 (in Russian).
- Eliade, M. 1999. *Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya (Essays in Comparative Religion)*. Moscow: Ladomir (in Russian).
- Erlikh, V.R. 2002. In: Vakhtina, M.Yu., Zuev, V.Yu., Kashayev, S.V., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Bosporskiy fenomen: pogrebal'nyye pamyatniki i svyatilishcha. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Bosporan phenomenon: funerary monuments and sanctuaries. Materials of the international scientific conference)*. Pt. 2. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 232—236 (in Russian).
- Erlikh, V.R. 2012. In: Zhuravlev, D.V., Firsov, K.B. (eds.). *Evrasiya v skifo-sarmatskoye vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Gushchinoy (Eurasia in the Scythian-Sarmatian time. In memory of Irina Ivanovna Gushchina)*. Moscow: GIM, 259—273 (Proceedings of the State Historical Museum 191) (in Russian).
- Christou, A.Ch. 1968. Potnia Theron: eine Untersuchung über Ursprung, Erscheinungsformen und Wandlungen der Gestalt einer Gottheit. PhD Thesis. Thessalonike.
- Erlikh, V. 2011. Gilded Terracotta Jewellery from Meotian Sites of the Kuban Region: the Problem of Intercultural Contact in the Early Hellenistic Period. *PONTIKA 2008. Recent Research on the Northern and Eastern Black Sea in Ancient Times. Proceedings of the International Conference, 21st — 26th April 2008, Kraków*, 113—128 (BAR Intern. ser. 2240).
- Frothingham, A.L. 1911. Medusa, Apollo and the Great Mother. *AJA*. Vol. 15. No. 3, 349—377.
- Frothingham, A.L. 1922. Medusa as Artemis in the Temple at Corfu. *AJA*. Vol. 26. No. 1, 84—85.
- Gimbutas, M. 1989. *The Language of the Goddess*. New York: Thames and Hudson.
- Krauskopf, I. 1988. *Gorgo, Gorgones*. *LIMC* IV: 285—330.
- Marinatos, S. 1927—1928. Γοργόνες καὶ Γοργόνεια. *Ἀρχαιολογική Ἐφημερίς* 1927—1928, 7—41.
- Rostovtzeff, M. 1922. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford: Clarendon Press.
- Rose, H. 1928. *Handbook of Greek Mythology*. London: Methuen & Co.
- Smith, S. 1926. The face of Huwawa. *Journal of the Royal Asiatic Society* 26, 440—442.
- Wilk, St. 2000. *Medusa: solving the mystery of the Gorgon*. Oxford: Oxford University Press.
- Ziegler, K. 1912. Gorgo. In: Wissowa, G., Kroll, W. (Hrsg.). *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung*. Bd. 14. Hb. 2. *Glykyrrh—Helikeia*. Stuttgart: J.B. Metzlersche Buchhandlung, 1630—1655.
- Zolotnikova, O.A. 2016. A hideous monster or a beautiful maiden?: Did the Western Greeks alter the concept of Gorgon? In: Reid, H.L., Tanasi, D. (eds.). *Philosopher Kings and Tragic Heroes: Essays on Images and Ideas from Western Greece*. Sioux City: Parnassos Press, 353—370.

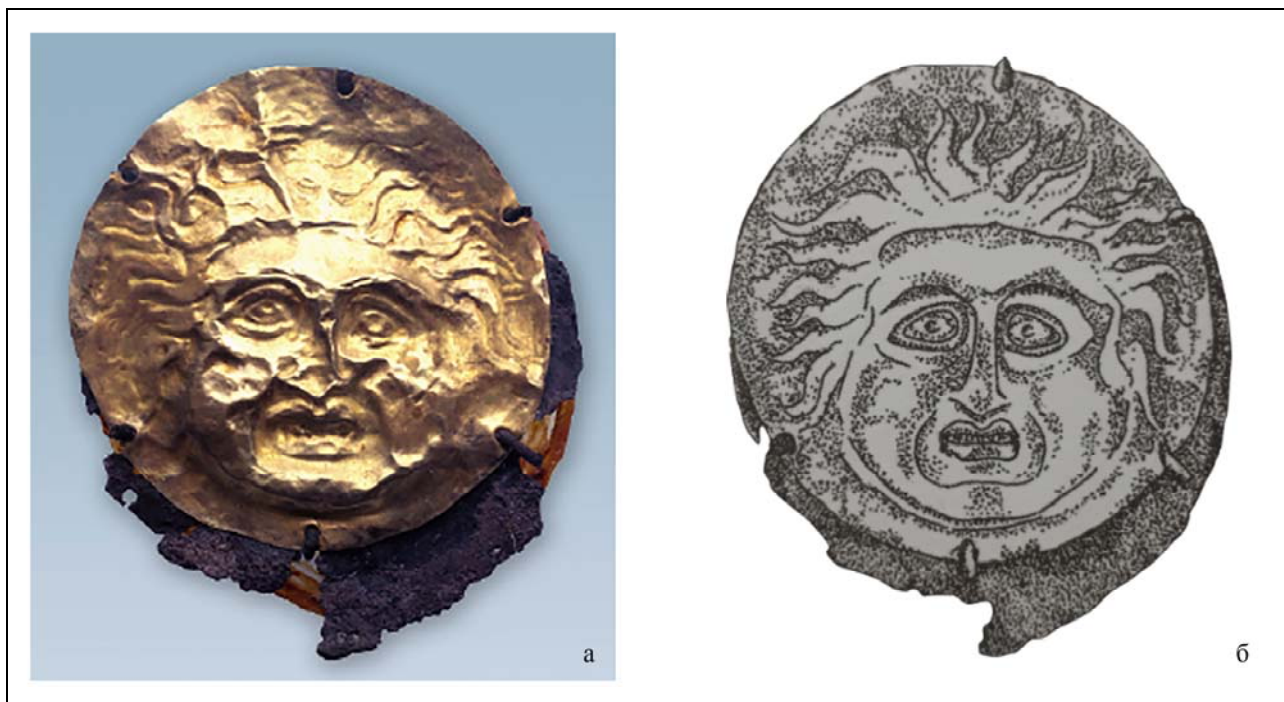

Рис. 1. Бляха (конский налобник) с изображением головы Горгоны Медузы. Курган № 5 у аула Уляп (Республика Адыгея), первая половина IV в. до н.э., золото, серебро: *а* — фото (по Беглова и др. 2014: 42); *б* — прорисовка (по Лесков и др. 2013: рис. 28: 14).

Fig. 1. Badge (horse forehead) depicting the head of the Gorgon Medusa. Mound No. 5 near of the Ulyap village (Republic of Adygea), first half of the 4th c. BCE, gold, silver: *a* — photo (after Beglova et al. 2014: 42); *b* — drawing (after Leskov et al. 2013: fig. 28: 14).

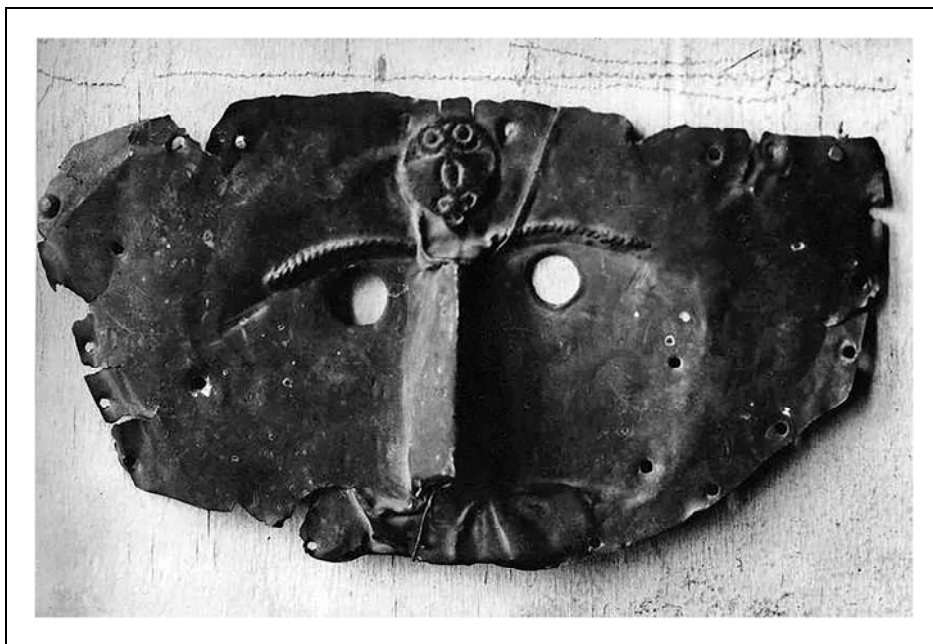

Рис. 2. Медная маска богини Тушоли. Джейрахский район, с. Ког. (Ингушетия), XVI—XVII вв. (фото И.М. Булатбиева).

Fig. 2. Copper mask of the goddess Tusholi. Dzheirakhsky district, with Cog village (Ingushetia), 16th — 17th cc. (photo by I.M. Bulatbiev).

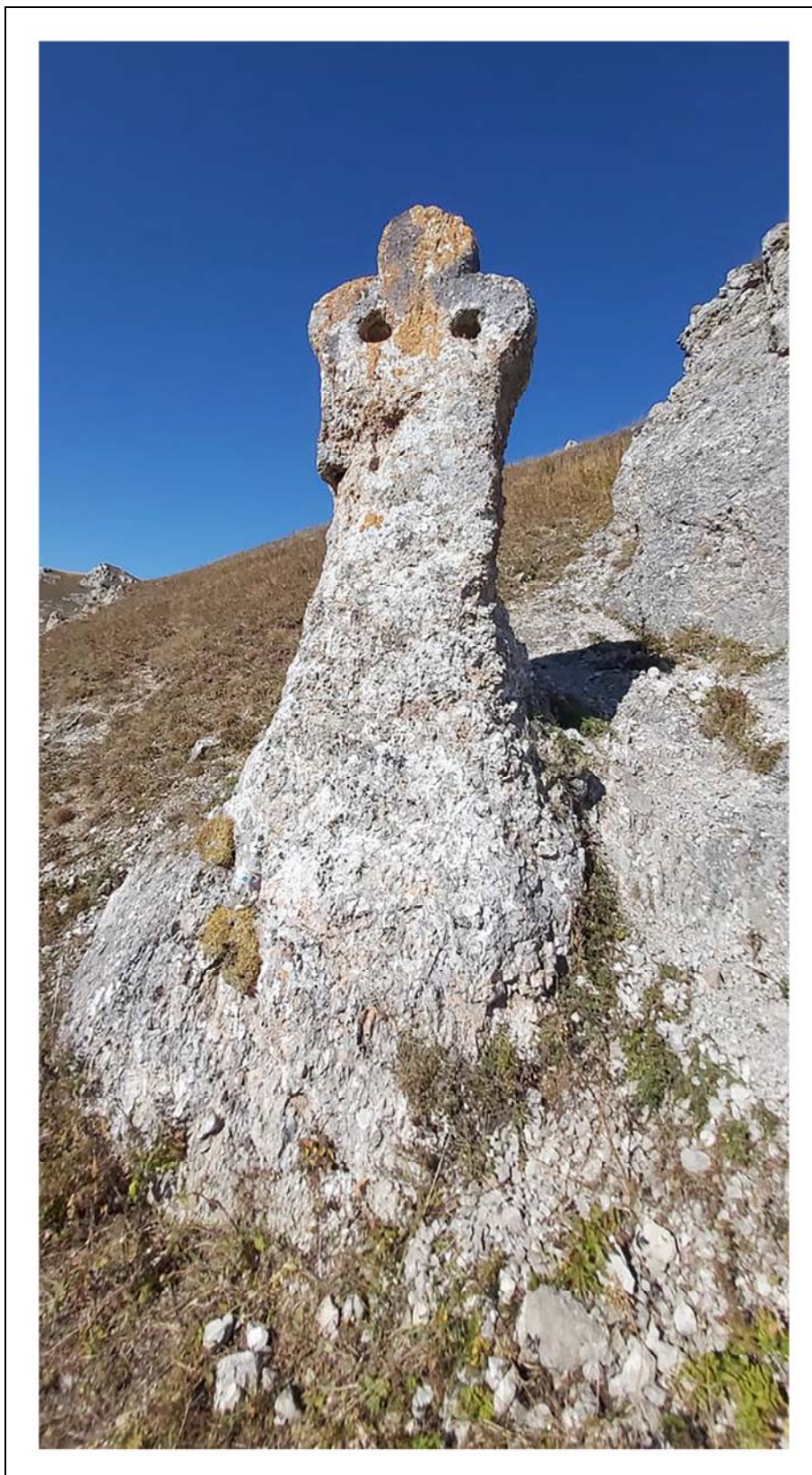

Рис. 3. Каменная статуя Тушоли. Высота 430 см. Юго-запад Чечни, территория Ялхарой (фото И.М. Булатбиева).

Fig. 3. Stone statue of Tusholi. Height 430 cm. South-west of Chechnya, territory of Yalkharoy (photo by I.M. Bulatbiev).